

Эпизод \[126й]\[126й]\[126й]
С ПОВИННОЙ

- >> **В интересах не истины, а правды**
- >> **Капитан Хотеев** (продолжение)
- >> **Курсант Юра Гонтаренко**
- >> **Сашок и Олеж**

6 сентября 1972 г. (среда)

Задумайтесь и решитесь! А потом исполните то, на что решились! Лев Николаевич
ТОЛСТОЙ

<<••>>

— Я это сделал не в интересах истины, а в интересах правды.

Илья ИЛЬФ и Евгений ПЕТРОВ, «Золотой телёнок»

Слетал с Батей контрольную зону на сложный пилотаж. Через заправку должен лететь сам.

Посидел в тенёчке «квадрата», повздыхал. И пошёл сдаваться!

Когда Виктор, техник того самого самолёта с бортовым номером 76, выпустил свой Эл в полёт, подошёл к нему и, отведя в сторону, спрашиваю:

— Витя! Я давно хотел сказать... — тяну время, прислушиваясь к себе. — Да, кстати! Тебе что-нибудь было из-за того случая?

— Нет! А тебе?

— Отстранили от полётов на день. То, чего я хотел избежать...

— А мне хотели сперва выговор объявить, а потом забыли!

— Знаешь, ведь в том полёте я был виноват!

— Да? — он расширяет свои глаза. — Не может быть! Что у тебя было?

— Не загерметизировал свою кабину. Ведь мы с тобой нарушили порядок действий. Потому осознанный автоматизм не сработал. Помнишь, мы второй раз открывали кабину,

чеки доставали? Фонарь я запер, но не загерметизировал!.. А потом я сказал неправду, не хотел, чтобы отстранили от полётов. — Я тяжело вздыхаю: — Будем называть вещи своими именами: солгал, смалодушничал!

— Да ведь и я не проконтролировал тебя! А должен был! Тем более что открывали кабину из-за того, что я забыл эти чёртовы чеки!

Виктор посмотрел себе на носки ботинок. Потом поднимает на меня глаза:

— Слышишь, Юр! Мне Кириллов говорил, что ты хороший парень! Он в казарме перед всеми защищал тебя! А мне потом сказал, что если ты виноват, то сам скоро подойдёшь с извинениями... А если не подойдёшь, то виноват я... Но как он это узнал? Ну, что ты подойдёшь?

— Не знаю, Витя...

— Хотя... Вы ведь дружите! Юр! Не говори это никому! Особенно Хотееву! Иначе он тебе голову откусит! Пусть так и останется между нами! Мне сказал и всё! Лады?

— Нет, Витя! Нет! Нельзя это носить в себе! Как ты не понимаешь! Я ведь буду офицером! И не смогу требовать правды от других, когда сам когда-то солгал, когда промолчал о своей лжи! Это лишь поначалу кажется, что так проще. Потом выяснится — сложнее. И эта мелкая ложь, как снежный ком с горы, превратится в монстра. И я стану лгать и в большом, и в малом!

— Ну, ты даёшь! Нннну, ладно! Смотри сам! Ты — неглупый парень! Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! А вообще, я б хотел, чтобы ты на моём самолёте больше летал!

— Спасибо!

«Ну, вот и всё! Жребий брошен!» — подумалось мне, и я вздохнул с некоторым облегчением.

Пошёл сдаваться Хотееву. Я видел: он только что прилетел с Изюмовым.

Командира звена отыскал в классе предполётных указаний. Он стоял, склонившись над плановой таблицей:

— Так! Это сделали!.. Это выполнили!.. Это он сейчас полетит сам!..

Подхожу:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться?

— Ну! — Хотеев коротко глянул на меня и снова углубился в плановую. — Это я с ним слетаю!..

— Я должен сознаться в совершении служебного преступления!

Хотеев резко развернулся и быстро глянул мне в глаза. Потом посмотрел мне за спину — не слышит ли кто ещё?

— Тихо! Пошли со мной!

Мы выходим на улицу, и кэээ увлекает меня за угол лётного домика и припирает к стене. Наверное, чтобы я не убежал!

— Что, больше фигур пилотажа в полёте выполнил?

— Нет.

— Ну!..

— Даже если вы и подумаете обо мне плохо, я иначе не могу!

— Ну!!

— Я ведь понимаю, что ежели сейчас промолчу, то это будет уступка своей совести на потом!..

— Это я понял! Что дальше?..

— И я, как офицер, потом не буду иметь морального права требовать правды от

своих подчинённых...

— Не тяни кота за хвост, чёрт возьми! Давай суть!..

— Товарищ капитан, сволочь я!

— Юрий, — за всё время нашего знакомства он первый раз назвал меня по имени.

— Не томи, говори дело! Я уже в режиме тряски¹!

— Помните, тот случай с герметизацией кабины? — я сделал паузу.

— Ну!

— Так вот! Там была моя вина!

— Чёрт подери, ты, наконец, скажешь или нет? А то сейчас по шее схлопочешь!

— Тогда у меня она была разгерметизирована! У меня!

Жидкие полоски бровей кэээ медленно ползут вверх, рот приоткрывается, а среднеазиатские щелочки глаз округляются и становятся европейскими. Видно было: он ожидал, что угодно, но не такого оборота! Ну, что я признаюсь задним числом! Ведь всё уже прошло и забыто! А тут... Он не может понять, зачем мне это нужно!

— Продолжа-а-й! — зловеще проговорил он.

— Тогда техник забыл вытащить чеки катапультного кресла, и мне по его команде пришлось повторно разгерметизировать и открывать кабину. Последовательность была нарушена и... Кабину-то я закрыть – закрыл, но не загерметизировал! У меня ведь отложилось, что я это уже делал! Рулил, взлетал, а сам всё время думал, что я что-то важное не сделал! А в полёте сразу не разобрался, потому что думал об этом важном и доложил...

— Я так и думал!

— Вы правильно думали!.. — у меня вырывается вздох. — Потом летел и решал, что сказать, чтобы не быть отстранённым от полётов. Попробовал в полёте разгерметизировать и загерметизировать заднюю кабину. Получилось! Вот и начал врать!.. Но меня с головой выдавал флажок с внешней стороны задней кабины, который объективно свидетельствовал, что она техником герметизировалась! И вы всё время ходили рядом с точным ответом. Вам только не хватало причины, чтобы вытащить всю цепь. Причину можно было дожать из техника, если бы вы с инженером спрашивали его: что было не так при выпуске этого самолёта? Тогда бы вы догадались! А потом о причине техник не помнил, а я молчал... Если бы вы сказали мне, что не станете отстранять меня от полётов, я бы сам всё рассказал! Для меня врать – самый нерасчётный режим! Не хочу врать!.. Выпутаться мне помогли неплохие знания авиатехники! И мне развязанным поведением удалось увести вас в сторону... Вы должны были решить для себя, что виновные в чём-то курсанты так себя вести не станут!..

— Да-да... Увести в сторону... — кэээ смотрел куда-то мне за плечо, будто припоминая всю ту ситуацию.

— Я знал, что вы меня в полёте будете проверять, и был начеку.

— Понятно! И в воздухе разыграл всё, как по нотам! Ты в детстве в драмкружке не занимался?

— Нет. А что?

— У тебя хорошие актёрские способности...

•• •>> [Через много-много лет мне то же самое скажут опытные контрразведчики после завершения совместной КГБ-ГРУ оперативной игры с противником, где мне была отведена роль человека, работающего «под чужим флагом». Я уже упоминал об этом (

Эпизод 107й. Операция «Круг»; «Лиминг»;

). Но то, что я сейчас живу и пишу эти строки, я обязан своей изворотливости, своему везению и неплохому умению на оперативной работе играть чужие роли. Как сказал в 1972 году мой первый командир звена, «Как по нотам»...] <<••

— Почему сразу не сказал?

— Посчитал, что отстраните! Вы ведь с Трошиным – чуть что, сразу меня отстраняете!.. Других – нет, а меня...

— Разве был отстранён Получкин, когда признался, что сделал лишнюю петлю Нестерова в самостоятельном полёте? Разве был отстранён Галага, когда рассказал, что никакого отказа у него с шасси тогда не было?

«Так вот оно в чём дело! Значит, я в тот раз зацепил Румына правильно!» — ахнул мой внутренний голос.

— Я о Получкине не знал! А Галагу я сразу прищучил!

— Ты? Сразу? Как?

Я рассказал о несуразностях в рассказе Галаги с лампочкой арретира АГД и про свои эксперименты с АЗС «День».

— Чёрт! — вырвалось у Хотеева. — Как просто! А мы шли издалека, через выводы специалистов ТЭЧ. Прав Мельников: ты отлично знаешь авиатехнику! Почему мне о Галаге ничего не сказал?

— Чтобы быть похоже на Румына, который вам всех пачкает?

— Ну, ладно! Разве тот же Галага был отстранён от полётов, когда признался, что жрал водку? Журавлин не летал, а он летал.

— Это их вы не отстраняете, а меня сразу по малейшему поводу...

Командир звена помолчал и как-то по-другому, с каким-то интересом посмотрел на меня:

— Но ты правильно сделал, что сознался! — Лицо Хотеева прояснилось, будто ему удалось вытащить меня, уже захлёбывающегося, из воды. — Перед техником извинился?

— Да! Только что!

У Хотеева снова поползли брови вверх, он ещё раз приятно-удивлённо глянул на меня.

— Ты смотри! Каков щегол! Молодец! Предупредил его, чтобы он не болтал?

— Нет! Но он сам мне предложил вам не говорить!

— Мне? Не говорить? Да я ему голову откушу за такие советы!

— Не надо, товарищ капитан, никого кусать! Я же сказал!

— Ладно! Ты сейчас в зону летишь сам?

— Не сейчас, через заправку.

— Чтоб хорошо слетал! Иди! Мне надо побыть одному, продумать свой полёт на полигон...

— Есть!

Козырнув, отхожу. Но, бог ты мой, как легко на душе!

Я смог признаться в служебном преступлении, как и тот подполковник КГБ Шарипов! Я всё рассказал! <<••>>

Как на крыльях влетаю в лётный домик.

— Юра! Кручинин! — окликает меня Гонтаренко. — Пошли, газированной водички

попьем!

— Пошли, — говорю я.

Входим в помещение поильника. Юрий покрутил кран на трубе, заполняя бак водой, открывает вентиль на баллоне с углекислым газом. А потом начинает туда-сюда сильно вращать ручку сепаратора, чтобы перемешать углекислоту с водой.

— Юр! — говорю я.

— Чего?

— Я должен перед тобой извиниться!

— За что? — бросив вращать ручку, поднимает на меня свои глаза Гонтаренко, подставляет стакан под сосок и наполняет его чистой, как слеза, прохладной газированной водичкой.

Потом протягивает питье мне:

— Попробуй, хорошо загазировалась? Если не помрешь, то и я напьюсь!

— Ах ты, скворец! Вот для чего ты меня с собой пригласил!

— А ты думал – просто так, что ли! — смеётся Юрий.

Принимаю стакан, отпиваю. Углекислота обожгла нёбо рта.

— Нормально! Вроде, живой! — отвечаю. — Помнишь? Когда на первом курсе картошку чистили, я в запале спора рассказал всем наш давешний спор по пограничной сигнализации? Мне так неудобно перед тобой!

Юрий фыркнул:

— Та ладно! Пустяки! Что вспомнил! Я уже и забыл!

— Нет, Юра! Я перед тобой виноват! И очень хочу извиниться перед тобой!

— Ну, ты даёшь! Нашёл, о чём вспоминать! Я забыл и ты забудь!

— Да вот не могу! Я давно решил, что должен попросить у тебя прощения! Но вот делаю это только сейчас!

— Юр, ты хороший парень! Однако странный ты какой-то сегодня! Никто передо мной ещё за прошлое никогда не извинялся! Ты – первый! Странно всё это! Если для тебя это так важно, то считай, что твои извинения приняты! Хотя ничего страшного тогда не случилось! Ну, сказал! Ну и что?

— Спасибо тебе! Ты тогда поступил благороднее, чем я!

— Не понял! Ты о чём?

— Да так! О благородстве, Юра! О благородстве!.. <<•>••<•>>

